

УДК 316.3/4:9(470+571)"19"+39:9(470+571)"19"
<https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37>

Противоречия советской теории этноса: история концепции и ее перспективы

Б. Е. Винер*

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье обсуждается связь появления и развития концепции этноса с этническим составом населения и политикой государства в Российской империи и СССР. Длительное время советские теоретики этноса пытались соединить несовместимые друг с другом марксистские представления о социально-классовой природе общества и близкую к веберовскому пониманию этнической группы идею об этносе как группе, обладающей специфической идентичностью. Сделан вывод, что для последующей разработки концепции этноса имеет смысл в теоретическом плане опереться на критико-реалистскую теорию, разрабатываемую социологами и представителями других социальных наук, которая позволяет показать производность идентичностей от структурных и культурных факторов и обратное воздействие идентичностей на них.

Ключевые слова: история этнологии, теория этноса, этничность.

Для цитирования: Винер Б. Е. Противоречия советской теории этноса: история концепции и ее перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 37–51. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37>

Contradictions of the Soviet Theory of Ethnos: The History of the Concept and its Prospects

B. E. Wiener*

Sociological Institute FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article discusses why the concept of 'ethnos' originated in the Russian Empire, and then in the second half of the 20th century, was developed in the USSR. The revival of the concept of 'ethnos' in the 1940s was caused by the need to solve such an applied problem as the drawing of post-war borders in post-war Eastern Europe. Later, Soviet ethnos theorists tried to combine incompatible Marxist ideas about the social class nature of society with the idea of an 'ethnos', close to Weber's understanding of an ethnic group, as a group with a specific culture and identity. At the turn of the 1980-1990s discussions began about the crisis of Soviet/Russian ethnology, primarily in the explanation of ethnicity, and several theorists suggested reorienting to the constructivist approach to ethnicity, which became dominant in English speaking science. The author considers the modern constructivist approach to ethnicity to be exhausted, since it failed to explain why members of ethnic minorities often prefer to self-identify with their ethnic ancestors more than with the states of which they are citizens, despite the efforts of states to reverse this orientation. It seems appropriate to abandon attempts to tie the ethnos to the social class structure of a particular socio-economic formation, that is, to abandon the concepts of 'nation' and 'nationality' ('narodnost'). In theoretical terms, it makes sense to rely on the critical-realist theory developed by sociologists and representatives of other social sciences, which makes it possible to show the derivativeness of identities from structural and cultural factors and the reverse effect of identities on them. The use of the concept of 'ethnos' within the framework of such an approach has the advantage that it can describe the mechanism that leads to the possibility of the long-term existence of ethnic groups as important components of the social structure of society. Such a mechanism is the intergenerational transmission of ethnic identity, the core of which is ethnic self-identification, due to mono-ethnic marriages. And the most salient feature of this mechanism includes ideas of members of ethnic communities that ethnicity is associated with the ethnic origin of people and is transmitted, as it were, by inheritance from parents to children.

Keywords: history of ethnology, theory of ethnos, ethnicity.

For citation: Wiener B. E. Contradictions of the Soviet Theory of Ethnos: The History of the Concept and its Prospects. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2022, Vol. 40, pp. 37–51. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.40.37> (in Russ.)

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Введение

Время от времени в науке принято говорить о кризисе в той или иной дисциплине, в изучении той или иной проблемы. На рубеже 1980–1990-х гг. начались рассуждения о кризисе советской/российской этнологии (прежде всего, в объяснении этничности¹, поскольку теория этноса теперь виделась как заидеологизированная) и о том, что эта теория не может предложить ничего нового в изучении этнических феноменов. Многим представлялось, что следование конструктивистскому взгляду на этнические общности как воображенные их членами, сконструированные благодаря деятельности этнических элит, позволит выйти из кризиса. К настоящему времени уже очевидно, что взгляд на этнические сообщества исключительно как на воображенные их членами не позволяет продвинуться, например, в решении этнических конфликтов, поскольку участники таких конфликтов, как правило, упорно продолжают идентифицироваться с этническими общностями своих предков, несмотря на разъяснения конструктивистских теоретиков о ложности таких идентификаций. В то же время теория этноса настаивала на большой длительности и устойчивости этнического самосознания. Отсюда представляется целесообразным посмотреть на то, имеется ли в этой теории рациональное зерно, могущее быть использованным в настоящее время. А для выявления этой рациональной составляющей необходимо еще раз посмотреть на историю развития понятия и теории этноса.

Начнем статью с краткого обзора появления термина «этнос» в российской науке, перипетий, связанных с идеологическими установками советских ученых, и затем перейдем к рассмотрению наиболее общих положений данной теории. В заключение статьи попытаемся отметить самые спорные моменты в общих положениях теории этноса и наметить возможности использования ряда ее достижений для последующей работы по теоретизированию этничности.

Введение понятия «этнос» в русскую этнографию

Сначала попробуем понять, почему у теории, в центре которой находится данное понятие, было больше шансов появиться в России, чем в других государствах, где на рубеже XIX–XX вв. этнография/антропология также получила возможность достичь достаточно высокой степени развития. Если в России этнографы готовы были изучать все народы империи, включая русских, то их британские и французские коллеги интересовались населением своих колоний, но не метрополий, германские этнографы также интересовались либо подданными колоний, либо только немцами, оставляя в стороне ненемецкое население Германии и других стран Европы. В США культурных антропологов интересовали коренные американцы, но не переселенцы с других континентов [One discipline ... , 2005].

Исследовательские задачи этнографического отделения Русского географического общества определялись спецификой этнографической ситуации в империи. Если проделать мысленный эксперимент и представить себя путешественником, едущим в середине XIX в., скажем, из Варшавы до Ново-Архангельска, то обнаружится, что между народами, живущими в соприкосновении друг с другом,

---

¹ В свое время было показано, что в англоязычной литературе существует как минимум четыре группы подходов к этничности: 1) этничность как принадлежность к социальному меньшинству, 2) как этническая группа, 3) как этническая идентичность, 4) как социальная граница [Винер, 1998, с. 3–4, 15–18].

обычно не было кардинальных различий в уровне развития. Допустим, в Симбирской губернии наиболее крупными народами были русские, мордва, чуваша, татары. Все они в это время главным занятием имели пашенное земледелие. В качестве вспомогательных занятий практиковались стойлово-пастбищное животноводство и различные промыслы. Уровень грамотности крестьянского населения у этих народов был сопоставимым. Конечно, нельзя было бы не заметить религиозных и языковых особенностей. Но точно так же существовали религиозные и языковые различия в европейских странах, что, однако, не вызывало интереса у западноевропейских антропологов и этнологов².

По крайней мере с 1682 г. для обозначения особых в этническом отношении групп людей в русском языке начинает использоваться слово «народ» [Knight, 2000, p. 43–46], которое не удовлетворяло ученых из-за его многозначности. Этнографы решили, что от этого позволяет уйти древнегреческое слово *ἔθνος* (этнос). Как сегодня представляется, первым в русской этнографии использовал этот термин Н. Н. Харузин в отношении «нецивилизованных народностей» [Харузин, 1901, с. 27], однако попыток развить потенциальное понятие он не предпринял. Первым начал работу в этом направлении уроженец Чернигова Н. М. Могилянский³. Крупнейшими этническими группами в Чернигове были русские (великороссы), украинцы (малороссы), белорусы и евреи. Важно, что многие из них были двуязычными и многоязычными. Гимназист Н. М. Могилянский не мог не замечать различий между этими группами и нюансов взаимоотношений между ними⁴. Думаю, что как раз эти ранние наблюдения в сочетании с образованием, полученным в Петербурге и Европе, и привели его к постановке вопроса об этносе. В то же время существует точка зрения, «что эта идея была им заимствована из французской антропологии, где в это время шли дискуссии об употреблении понятия *ethnie* (первое употребление в антропологическом контексте на французском языке: [Vacher de Lapouge 1896])» [Алымов, Арзютов, 2014, с. 50]⁵.

В 1902 г. Н. М. Могилянский выступил в Антропологическом обществе при Петербургском университете с рефератом упоминавшейся книги Н. Н. Харузина, где подверг автора критике за взгляд на этнографию лишь как историю культуры и выступил за изучение и современных европейских народов, создавших собственные государства [Могилянский, 1908, с. 103–106]. В 1916 г. он сделал доклад на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географиче-

² Это, скорее, считалось объектом интереса фольклористов. Вот, например, как описывается предмет фольклористики на сайте Университета штата Юта: «Изучение традиционных предметов и народной жизни простирается от областей, таких как народная архитектура, до более коммодифицированных форм, таких как садовое искусство; и они могут изучать обычаи, такие как танцы, костюмы, фестивали и праздники. Из-за своего главного интереса к выразительным жанрам фольклор издавна существовал и был естественным дополнением к акценту английских факультетов на литературу и тексты» (Department of English Folklore. What is folklore? 2009. URL: <https://web.archive.org/web/20120426044413/http://folklore.usu.edu/what.aspx> (дата обращения: 25.07.2021).

³ По-видимому, в советской теоретической литературе его имя впервые вскользь упомянуто в начале 1970-х гг. [Бромлей, 1973, с. 22, прим. 50]. Несколько работ о Н. М. Могилянском появилось только в постсоветское время (см., например: [Алымов, 2017]).

⁴ Интересно, что к подобному же выводу пришел С. С. Алымов, который специально изучал деятельность Н. М. Могилянского по архивным источникам [Алымов, 2017, с. 74–75].

⁵ Видимо, просмотр книги социал-дарвиниста Ж. В. де Ляпужа стал единственным источником информации для С. С. Алымова и Д. В. Арзютова о французском влиянии, иначе они дали бы какое-то дополнительное разъяснение. Сам Ж. В. де Ляпуж употребил в своей книге термин *etne* и более благозвучное для французского языка слово *ethnie* лишь один раз [Lapouge, 1896, p. 10]. Французский исследователь А. Бежен считает, что этот термин был нужен его создателю для обозначения сообществ «из элементов разных рас, но разделяющих одну и ту же культуру», а в качестве примера Ж. В. де Ляпуж приводил ашкеназов [Béjin, 1982, p. 329], к которым явно не испытывал симпатий [Ibid, p. 139–140].

ского общества, в котором определил этнос как «собрание индивидуумов, объединенных в одно целое как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом, всей духовной культуры» и снова подтвердил необходимость изучения народов современных развитых стран. Важной особенностью его подхода к этносам было то, что он допускал утрату части их культурной специфики, главным образом в области материальной культуры, в современную эпоху за счет унификации материальных условий жизни, что, по его мнению, не приводило к утрате этнической принадлежности [Могилянский, 1916, с. 11].

По своей политической ориентации Н. М. Могилянский был кадетом и, как и подавляющее большинство украинских демократов до разгона Учредительного собрания, выступал за автономию Украины в составе федеративной России. Такая позиция требовала идеологического обоснования того, что украинцы являются народом однопорядковым великороссам, полякам, финнам, которые, согласно представлениям того времени, имели безусловное право на самоуправление. Следовательно, необходимо было показать, что украинцы являются полноценным отдельным народом, а не просто разновидностью русских. Разработка теории этноса позволяла подкрепить соответствующие политические требования.

Говоря о вкладе Н. М. Могилянского в развитие обсуждаемой концепции, следует принять во внимание позицию С. Н. Абашина, полагающего, что высказывания этого ученого об этносе еще нельзя считать собственно теорией этноса [Абашин, 2008, с. 24]. В советской этнографии закрепилась тенденция связывать появление понятия «этнос» с работами С. М. Широкогорова [Бромлей, 1973, с. 22]. Авторы недавно вышедшей работы утверждают, что С. М. Широкогорov начал работать над собственной концепцией этноса между 1912 и 1914 гг. [Alymov, Anderson, Arzyutov, 2019, p. 28]. Д. В. Арзютов также высказал предположение, что на будущую разработку теории этноса оказало влияние посещение С. М. Широкогорovым в 1908 г. в Париже лекций Ж. Папийо [Арзютов, 2017, с. 127]. Последний среди прочего употребил термин «этнос» на латинице. При этом он вскользь заметил, что это слово должно обозначать не расы или цивилизации, а народы (*peuples*) [Papillault, 1908, p. 127]. В известном учебном пособии С. М. Широкогорov дает следующее определение: «Под термином этнос условимся понимать следующее: *группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп, может быть названа этносом, племенем, народностью. Это и есть этническая единица, объект науки этнографии*» [Широкогорov, 2001, с. 95]. В качестве примеров этносов названы латыши, поляки, буряты, вогулы, великороссы, кубанские казаки, бретонцы, провансальцы, нормандцы, шотландцы, ирландцы [Там же, с. 96]. Определения С. М. Широкогорov и Н. М. Могилянского не различаются радикально. Однако в тексте у С. М. Широкогорov обнаруживается некоторый акцент, подчеркивающий биологическую сторону в существовании этноса.

В более поздней монографии автор усиливает этот акцент, доходя до утверждения, что теорию этноса можно применить к животным и растениям [Shirokogoroff, 1935, p. 19]. Здесь, на наш взгляд, проясняется, что концепция этноса нужна С. М. Широкогорov для объяснения того, как в похожую на биологиче-

скую межгрупповую борьбу за обладание ресурсами могут быть включены не только биологические факторы, но и культурные особенности групп. Данные сюжеты он рассматривает на примере нескольких групп, говорящих или говоривших в прошлом на языках северной ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Это все тот же социал-дарвинизм, который мы уже встречали у Ж. В. де Ляпужа.

Судя по всему, журналы с докладами Н. М. Могиланского и работа С. М. Широкогорова «Этнос» никогда не изымались из свободного доступа, во всяком случае в крупнейших ленинградских библиотеках⁶. По-видимому, термин «этнос» был хорошо известен исследователям в Ленинграде и Москве в межвоенный период.

Советская наука об этносе с 1929 г. до середины 1930-х гг.

Понятие этноса почти полностью выпадает из русского научного дискурса после проведенных в Ленинграде мероприятий – Совещания этнографов Ленинграда и Москвы (5–11 апреля 1929 г.) и Всероссийского археолого-этнографического совещания (7–11 мая 1932 г.). На совещании 1929 г. главным защитником этноса как объекта этнографической науки выступил этнолог П. Ф. Преображенский. Однако, отвечая на чей-то вопрос, он затруднился дать определение этого понятия. П. Ф. Преображенского, хотя и расходясь с ним в понимании этноса, поддержал антрополог В. В. Бунак. В этом же лагере оказался краевед М. Я. Феноменов [От классиков..., 2014, с. 103, 110, 121–122, 159].

Убежденным противником понятия «этнос» выступил студент, будущий директор Института этнографии АН СССР С. П. Толстов, критиковавший его внеклассовость [От классиков ... , 2014, с. 152]. Крайне запутанной выглядит позиция радикального противника этнологии как самостоятельной дисциплины, московского лингвиста В. Б. Аптекаря: «Этноса я не отвергаю, но науки об этносе строить нельзя, это будет этнография социологического порядка. Нельзя брать этнос как нечто самостоятельное, изолированное». А отвечая на вопрос из зала об определении этноса, он делает такое уточнение: «...я рассматриваю этнос (может быть, некоторые товарищи это прослушали) как одну из ступеней или одну из стадий в историческом развитии производственного коллектива. Когда я говорил по поводу этноса и указывал, что этнос является проекцией классовых и прочих отношений в современном обществе на прошлое, то я как раз говорил не об этносе в марксистском понимании, а о том понятии этноса, которое употребляют и этнологи-немарксисты» [От классиков ... , 2014, с. 207, 209].

Ни один из участников совещания не предложил собственного определения этноса, ограничиваясь туманными формулировками. Советские этнографы 1920-х гг. пытались привязать этнос к марксистской схеме экономических формаций и потерпели неудачу, поскольку один и тот же этнос может существовать на протяжении нескольких формаций, несмотря на то, что при этом происходят существенные изменения в культуре населения, в том числе материальной. Если бы они обратили внимание на городское население, например на демографические изменения в крупных городах в результате революции, Гражданской войны, индустриализации, то потребовалось бы разработать терминологию для описания этнических процессов, а также сравнить эти процессы в разных странах и

---

⁶ Ленинградец Я. Кошкин в докладе на этнографическом совещании 1929 г. приводит цитату из «Этноса» [От классиков ... , 2014, с. 411].

в разные эпохи. Оказалось бы, что эти процессы в разных средах имеют много общих закономерностей, для описания которых требуется разработка терминологии, имеющей в основе понятие группы⁷.

В то же время совещания не запретили употребление термина «этнос». Его можно обнаружить, например, в собрании сочинений Н. Я. Марра [1934, с. 180] или во впервые опубликованной в 1934 г. в украинском журнале статье В. П. Петрова [2013]. Наконец, в середине 1960-х гг. во время вынужденной необходимости во второй защите диссертации В. П. Петров использует этот термин в названии своей работы [Петров, 1966], и это происходит еще до появления первых работ Ю. В. Бромлея об этносе!

Как пишет В. М. Андреев, в близкий круг В. П. Петрова входил один из младших братьев Н. М. Могилянского Михаил, юрист и литератор [Андреев, 2012, с. 84]. Таким образом, В. П. Петров мог получить знания об этносе либо от Михаила, либо от самого Н. М. Могилянского, который после Октябрьского переворота переехал в Киев, а впоследствии эмигрировал.

Возвращение к этносу: роль П. И. Кушнера и рост внимания к этническому самосознанию

Возврат к понятию «этнос» диктовался участием советских этнографов в решении прикладных задач, обусловленных изменением политической обстановки в Восточной Европе и послевоенной перекройкой границ. До войны Институт этнографии АН СССР находился в Ленинграде. С. С. Алымов отмечает, что в 1942 г. принято решение об образовании московской части института [Алымов, 2006, с. 41]. На интернет-сайте института сообщается: «В военные годы многие сотрудники московской группы разрабатывали тему “Исследование этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы”, выполнявшуюся по заданию Генштаба Красной Армии» [Институт этнологии ... , 2019]. То есть перебазирование института в Москву может в значительной степени объясняться необходимостью постоянных контактов сотрудников, занимавшихся этой прикладной деятельностью, с политиками, дипломатами и прочими специалистами, вовлеченными в работу по определению государственной и административной принадлежности спорных территорий. Одной из главных фигур в этой прикладной деятельности был П. И. Кушнер (Кнышев). С. С. Алымов указывает, что в марте 1944 г. этот исследователь возглавил отдел (затем сектор) этнической статистики и картографии, которым руководил до конца 1952 г. [Алымов, 2006, с. 43, 48].

Для организации учета населения по этническим признакам и дальнейшего проведения государственных границ, отражающих этнический состав населения, понадобилось разработать соответствующую терминологию. В частности, необ-

---

⁷ В США в 1920-е гг. социологи начинают использовать понятие «этническая группа» (например, [Park, Burges, 1921, p. 347, 642]). Понятие «ассимиляция» там в ходу с изданной в 1918 г. и посвященной всестороннему исследованию иммигрантов социологической работы [Thomas, Znaniecky, 1976]. У американцев не было необходимости в детально разработанной терминологии для описания этнических процессов. Внимание было направлено на описание интеграции иммигрантов в американский рынок труда, усвоение английского языка и американских норм поведения. Для этого достаточно было понятия ассимиляции. Американских социологов устраивало рабочее понятие «этническая группа», поскольку мало интересовало, что происходило с предками иммигрантов на их этнической родине. Вполне достаточно было знать обстановку, от которой переселенцы оттапливались, переселяясь за океан. Отличия первого и даже второго поколений новой иммиграции (итальянцев, представителей славяноязычных народов, восточноевропейских евреев) от представителей старой иммиграции (переселенцев из стран Западной и Северной Европы) были очевидны. Поэтому не требовалось строгого определения этнической группы.

ходимо было выделить признаки народов, которые в терминологии П. И. Кушнера выступают как «этнические определители». Для этого пригодился подзабытый термин «этнос». Представление об «общности исторических судеб» в определении этноса Н. М. Могилянского и «признание единства своего происхождения» членами группы в определении С. М. Широкогорова П. И. Кушнер отнес к феномену национального самосознания⁸, или, если обратиться к более поздней западной терминологии, этнической идентичности⁹. Знание о самосознании населения наряду с другими признаками можно использовать для определения этнического состава при составлении статистических таблиц, карт, проведении границ. Этнический состав населения в древности П. И. Кушнер определял по археологическим и письменным источникам и данным топонимики. Выявлять этнический состав современного населения предлагалось, учитывая родной и разговорный языки людей и их национальное самосознание. П. И. Кушнер [1951] обращал особое внимание на случаи расхождения разных определителей, а также на ситуации интенсивно протекающих этнических процессов, которые вносили дополнительные сложности в отнесение людей к тому или иному народу.

Наиболее раннее, правда, весьма туманное употребление термина «этнос» в послевоенном советском научном дискурсе, которое удалось обнаружить, относится к середине 1940-х гг.: «Этнос есть специфика каждой национальной культуры, и он поэтому динамичен, поскольку всем явлениям национальной культуры присуще развитие (или упадок)» [Кушнер, 1946, с. 22]. Вскоре появляется более понятная формулировка: «...нация является одним из позднейших видов человеческой общности, одним из наиболее развитых видов *этнической общности*, – если под “этносом” понимать специфику быта, языка и культуры, отличающую народы друг от друга», и далее: «Этнография изучает “этнос”-специфику народов, о которой говорил товарищ Сталин» [Кушнер, 1949, с. 6, 11]. Здесь для исследователей того времени не только важно то, что термин был употреблен заведующим подразделением ведущего этнографического учреждения страны, но также имеет значение сама демонстрация того, что нация как понятие, разрабатываемое в теоретическом плане самим Сталиным, оказывается одной из форм существования этноса.

Разумеется, П. И. Кушнер знал о перекосах сталинской национальной политики, но не мог высказываться по этому поводу. По-видимому, точно так же невозможно было избежать случаев, когда линия этнической границы проводилась на карте не в соответствии с данными, полученными учеными, а согласно политическим указаниям высоких чиновников. Тем не менее разработанные П. И. Кушнером положения позволяют достаточно надежно определять этнический состав проживающих в населенных пунктах и территориях в целом.

Оформление и расцвет советской теории этноса: наиболее общая проблематика

Работы П. И. Кушнера дали мощный импульс к оформлению и бурному развитию советской теории этноса. По моему мнению, в этой теории следует различать несколько главных составляющих: 1) наиболее общую проблематику теории этноса, 2) теорию этнических процессов, 3) теорию этнического самосознания,

⁸ Чтобы не смешивать гражданство с этнической принадлежностью, полагаю, что применительно к этническому составу населения все же лучше использовать термин «этническое самосознание».

⁹ На тождественность русского термина «этническое самосознание» и пришедшего с Запада понятия «этническая идентичность» указывает Э. Г. Александренков [1996, с. 21].

4) теорию таксономических уровней этнических общностей. Разумеется, все эти составляющие тесно переплетаются друг с другом, что становится особенно заметным при рассмотрении конкретных этнических ситуаций. Однако журнальный формат не позволяет рассмотреть в одной статье все перечисленные компоненты. Поэтому остановлюсь лишь на первой составляющей.

Вскоре после появления работ П. И. Кушнера понятие «этнос» получило дополнительную легитимацию во время совещания по методологии этногенетических исследований, проведенного совместно четырьмя академическими институтами АН СССР (языкознания, этнографии, истории и истории материальной культуры), в докладе С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова. Докладчики заявили, что работа Сталина о марксизме в языкознании, утверждающая, что языки развиваются от родовых к племенным, затем к языкам народностей, а от них к национальным, позволяет говорить о тех же ступенях в развитии человеческих коллективов, которые «можно назвать этническими» [Токарев, Чебоксаров, 1951, с. 7].

В 1964 г. сторонники нового подхода к этносу смогли расширить свою аудиторию благодаря публикации статьи в журнале «Вопросы философии». Здесь дается определение этнической общности, причем в него не включена «общность психического склада», что свидетельствует об отказе от сталинского определения нации. Другая новация – предложение назвать этнические общности в рабовладельческом обществе демосами, а в феодальном – народностями [Токарев, 1964]. То есть навязанная Сталиным мысль о корреляции между формами этнических общностей и общественно-экономическими формациями пока еще твердо владеет умами советских этнографов, но при этом сталинская схема «племя – народность – буржуазная нация – социалистическая нация»¹⁰ модифицируется в схему «племя – демос – народность – буржуазная нация – социалистическая нация». Вскоре Н. Н. Чебоксаров делает вывод о том, что кроме социалистических наций существуют и социалистические народности [Чебоксаров, 1967, с. 104–105, 107], т. е. в одном обществе могут сосуществовать разные типы этнических общностей.

Наконец, в 1969 г. Ю. В. Бромлей впервые развернуто изложил свои взгляды на этнос. Важным для дальнейшего понимания его представлений об этом типе социетальной группы является то, что он постоянно пытается выявить объективный механизм этнической интеграции¹¹: если в субъективной сфере, по его мнению, таким интегратором выступает этническое самосознание, то вне сознания им является эндогамия, понимаемая как заключение браков преимущественно внутри своей этнической среды [Бромлей, 1969, с. 84]. Какой-то интегратор вне самосознания с точки зрения большинства советских этнографов обязательно должен был присутствовать. Иной взгляд, с их точки зрения, приводил бы к отступлению от марксистского материализма к идеализму.

Определение этноса Ю. В. Бромлей сформулировал через два года, различая две ипостаси этого феномена:

1) «...этнос в узком смысле слова в самой общей форме можно определить как исторически сложившуюся устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры и некоторыми соответствующими чертами психики, а также сознанием своего единства и отличия

¹⁰ О различиях между буржуазными и социалистическими нациями Сталин писал задолго до появления теории этноса [Сталин, 1955, с. 338–339].

¹¹ Здесь наблюдается некоторое созвучие с волновавшей Д. Дюркгейма проблемой социальной интеграции, хотя сложно сказать, был ли Ю. В. Бромлей знаком с его работами.

от других таких же совокупностей. <...> представляется целесообразным закрепить за узким значением термина “этнос” слово “этникос” ἔθνικός» [Бромлей, 1971, с. 27];

2) в широком смысле под этносом следует понимать этносоциальный организм (ЭСО). Ю. В. Бромлей не дает достаточно четкого определения ЭСО, но указывает, что он образуется при сопряжении этнических образований с социальными организмами, родоплеменными в первобытном обществе, социально-политическими в классовом. ЭСО первобытнообщинного строя – племя, ЭСО рабовладельческого общества – преимущественно свободное население, ЭСО феодального общества – трудовое население, но может не включать иноэтнических феодалов [Бромлей, 1971, с. 27–30]¹². Если принять во внимание содержание всей совокупности работ Ю. В. Бромлея, то получается, что в этникос входят все люди, осознающие себя, например, фарерцами, немцами, казахами, фламандцами и т. д. Но в ЭСО входят только те, кто проживает, так сказать, в «своих» странах: фарерцы, постоянно живущие на Фарерских островах, немцы – в Германии, казахи – в Казахстане, фламандцы – во Фламандском регионе Бельгии¹³.

Можно задаться вопросом, почему для Ю. В. Бромлея было так важно проводить это различие между этносом в широком и узком смыслах? С моей точки зрения, вполне достаточно его понимания только в узком смысле. Объяснение присутствует в диссертации С. Н. Абашина: «Ю. Бромлей отверг этническое самосознание в качестве “интегратора”, потому что “этнотыпы как определенные целостности существуют объективно, вне сознания”» [Абашин, 2008, с. 37]. И далее: «Разделение этноса на две ипостаси – “этникос” и “этносоциальный организм” – позволяло Ю. В. Бромлею решить одновременно две задачи: сделать дисциплинарную проблематику Института этнографии, которым он руководил, более свободной и в то же время сохранить проблематику этнографии в рамках официального марксизма и избежать обвинения в антимарксизме» [Там же, с. 39].

Далее одна из линий в развитии теории этноса проходила через разработку типологии этнических общностей применительно к социально-экономическим формациям. В. И. Козлов пришел к выводу, что типологический ряд «племя – народность – нация» не работоспособен [Козлов, 1979, с. 16]. Обсуждая рассмотренное выше предложение С. А. Токарева о том, что для рабовладельческой формации этническую общность можно называть демосом, а для феодальной – народностью, В. И. Козлов заключает: «Для обозначения выделенных типов этнической общности, видимо, нецелесообразно применять “собственные” термины – “демос”, “народность” и т. п.; учитывая формационный принцип их выделения, следует назвать их соответственно: “этнос с первобытнообщинной структурой”, “этнос с рабовладельческой структурой” и далее – феодальной, капиталистической и социалистической структурой, или сокращенно – ЭПС, ЭРС, ЭФС, ЭКС, ЭСС» [Там же, 15].

¹² При этом мы сталкиваемся с нечеткостью определения понятия общества. У Ю. В. Бромлея и у многих его коллег происходит смешение общества как отдельного потестарного или политического образования (государства) с обществом, совпадающим со всеми людьми, принадлежащими к конкретной социально-экономической формации.

¹³ Взгляд Ю. В. Бромлея на этнос доминировал в советской этнографии, но не был единственным. Историк российской этнографии/этнологии Т. Д. Соловей в качестве альтернативных подходов называет биологизирующую этнос-концепцию Льва Гумилева, информационную концепцию Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова, компонентную теорию В. В. Пименова [Соловей, 2007, с. 87]. Поскольку эти концепции находятся несколько в стороне от главной линии статьи, они не затрагиваются.

Китаист М. В. Крюков предложил собственную схему типологии этносов: архаические этнические общности – древние этносы – средневековые этносы – современные этносы [Крюков, 1986, с. 69]. Как видим, эта типология тоже привязана к официальному советскому перечню формаций, но «современные этносы» охватывают две формации – капиталистическую и коммунистическую. У М. В. Крюкова обращает на себя внимание отсутствие терминов, производных от «рабовладения» и «феодализма». Это становится понятным, если принять во внимание критическое отношение советских китаистов к традиционной пятичленной схеме выделения социально-экономических формаций, которая ориентирована на европейскую историю. М. В. Крюков с соавторами подчеркивают, что «вопрос о формационной принадлежности древнекитайского общества решается различными учеными отнюдь не однозначно» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 15].

Однако Ю. В. Бромлей больше устраивала токаревская логика именовании этносов разных формаций. Он исходит из того, что этносоциальные организмы (эсо) в каждую из общественно-экономических формаций включают специфические, свойственные этой формации классы [Бромлей, 1987, с. 17]. Для эсо первобытнообщинной формации предлагается ввести название «палеос», для рабовладельческой – «палеокос», для феодальной – «мезос» [Там же, с. 30]. Для эсо, следующих за феодализмом, почему-то ввести собственные названия не предлагалось. В развернутом виде взгляды Ю. В. Бромлея изложены в нескольких монографиях [Бромлей, 1973, 1981, 1983].

Так ядро теории этноса выглядело к моменту отказа от советской версии марксизма, т. е. официальной советской идеологии, и распада СССР. Разработка теории этноса прекратилась, чему способствовало появление новых актуальных для исследования проблем, например вопроса о причинах возникновения новых государств на просторах бывшего «социалистического содружества», а также активное заимствование нового теоретического знания, в частности конструктивистских «нациеведческих» теорий.

Вместо заключения: перспективы концепции этноса

Как уже отмечено, главным недостатком советской теории этноса является попытка соединить, с одной стороны, марксистское понимание общества как состоящего из соответствующих уровню развития производительных сил социальных классов и внутриклассовых групп и, с другой стороны, этническую составляющую, обычно имеющую очень устойчивый временной характер, причем эта составляющая не имеет жесткой корреляции с социально-классовой стратификацией.

В то же время та составляющая теории этноса, которая описывала этническое самосознание, повисала в пространстве, поскольку не имела теоретической опоры. Более трех десятилетий тому назад американский социолог Л. Гринфельд назвала развиваемый Ю. В. Бромлеем с коллегами и включающий теорию этноса подход «этносоциологией современности». Название, на наш взгляд, несколько неудачное, но в целом она верно подметила присутствие здесь сходства с веберовским подходом. «Его центральной особенностью является осознание взаимозависимости и автономности различных сфер социальной реальности, которые постоянно формируют и видоизменяют друг друга». Одной из таких сфер она называет этническую культуру [Greenfield, 1988, p. 120].

Сложно сказать, насколько хорошо советские этнографы в то время были знакомы с сочинениями М. Вебера. Лично я обратил бы внимание на хорошо известное в социологии определение М. Вебером этнических групп: «Группы, ко-

торые, либо опираясь на сходство внешнего облика или обычаев или того и другого вместе, либо на почве воспоминаний о колонизации или переселении лелеют субъективную веру в единство своего происхождения и стремятся на этом основании к созданию общности, мы будем называть (если только они не представляют собой роды) этническими группами, причем не важно, существует ли единство крови объективно» [Вебер, 2017, с. 72]. Эта мысль довольно близка к идеям Ю. В. Бромлея об этническом самосознании в широком смысле, выступающем «как представление людей о собственном этносе, о его свойствах» [Бромлей, 1981, с. 15], и В. И. Козлова об этническом самосознании в узком смысле, понимаемом «как осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности» и фиксируемом в этнониме [Козлов, 1974, с. 84, 86].

Выстраивание рассуждений об этносе с учетом сказанного в предыдущем абзаце позволяет без ущерба для представления о реальном существовании этнических общностей отказаться от попыток жестко привязать их к социальной структуре той или иной социально-экономической формации, т. е. отказаться от использования таких понятий, как нация¹⁴ и народности, мало приспособленных для объяснения этнических феноменов. При этом отказ от ориентации на устаревшие марксистские теоретические положения приводит к необходимости поиска современных теорий социального, пригодных для объяснения этнической проблематики. Однако этнология таких теорий не разрабатывает. В российской этносоциологии, как было показано в недавней статье, подобная ситуация стала одной из причин дрейфа этой субдисциплины из этнологии в социологию [Винер, Дивисенко, 2015].

Поскольку следование конструктивистскому подходу не слишком обогатило этнологию теориями, позволяющими связать понимание этнической проблематики с иными социально-научными концепциями, полагаем, что исследователям этничности пришло время обратиться к иной альтернативе, а именно к критико-реалистскому подходу, выступающему с резкой критикой конструктивизма. Социологическая составляющая в этом подходе восходит к теории британского исследователя М. Арчер, объясняющей взаимозависимость социальной структуры, культуры (в ее социологическом понимании) и встроенной во взаимодействие людей агентности (т. е. действиями людей в реальном контексте) [Archer, 1995]. Данный подход потенциально позволяет показать производность идентичностей от структурных и культурных факторов и обратное воздействие идентичностей на них. Использование понятия «этнос» в рамках подобного подхода имеет то преимущество, что оно позволяет описать механизм, приводящий к возможности длительного существования этнических групп как важных компонентов социальной структуры общества. Таким механизмом является восприятие людьми характерной прежде всего для моноэтнических браков межпоколенной передачи этнической идентичности, ядром которой выступает этническая самоидентификация¹⁵. Люди склонны воспринимать подобное исторически длительное существование этнических идентичностей как нечто естественно передающееся по наследству от родителей к детям. Представляется, что дальнейшая работа по объяснению этнических явлений должна вестись в этом ключе, а роль этнологии и истории в этом случае будет заключаться в сборе и первичной интерпретации

¹⁴ Авторская статья о необходимости отказаться от совершенно не операционализуемого понятия «нация» в настоящее время находится на рассмотрении в другом журнале.

¹⁵ Подкрепить этот тезис можно выводами американско-мексиканского антрополога Ф. Хиль-Уайта, сделанного им на основе своих полевых материалов, собранных в Монголии [Gil-White, 2002].

фактического материала, выявлении в нем закономерностей с помощью инструментария данных дисциплин. Последующее соединение полученных таким образом результатов с материалом, собранным социологами, и их теоретическими построениями, а также с результатами работы исследователей в других социально-научных дисциплинах позволит получить гораздо более обоснованные теоретические конструкции, чем мы имеем в настоящее время, и, наконец, получить непротиворечивую общую объяснительную схему вместо того, чтобы постоянно балансировать между теоретически противоречащими друг другу подходами.

Список литературы

- Абашин С. Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XIX – начале XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 354 с.
- Александренков Э. Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13–22.
- Алымов С. С., П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920-е – 1950-е годы. М.: ИЭА, 2006. 256 с.
- Алымов С. С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 67–84.
- Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнология за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
- Андреев В. М. Виктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого. Дніпропетровськ: Герда, 2012. 472 с.
- Арзютов Д. В. Антрополог или политик? Политические пристрастия и теоретические построения Сергея Широкого // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 123–141.
- Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. № 6. С. 84–91.
- Бромлей Ю. В. К характеристике понятия этнос // Расы и народы. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 9–33.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (черки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 334 с.
- Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Т. 2. Общности. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2017. С. 68–81.
- Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.
- Винер Б. Е., Дивисенко К. С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 4. С. 177–196.
- Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. 80 лет. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Content&id=13> (дата обращения 2.07.2019).
- Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92.
- Козлов В. И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
- Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 58–69.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 342 с.
- Кушнер (Кнышев) П. И. К методике определения этнографических территорий // Советская этнография. 1946. № 1. С. 12–24.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии // Советская этнография. 1949. № 4. С. 3–19.
- Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 145 с.
- Март Н. Я. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений // Март Н. Я. Избранные работы. Т. 3. Язык и общество. М.: Гос. Соц.-экон. изд-во, 1934. С. 180–198.
- Могилянский Н. М. Этнография и ее задачи (По поводу одной книги) // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1908. Т. 3. С. 101–114.
- Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. № 1. С. 1–22.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда, 5–11 апр. 1929 г. / ред.: Арзютов Д. В., Алымов С. С., Андерсон Д. Дж. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 511 с.
- Петров В. П. Язык. Этнос. Фольклор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966. 62 с.
- Петров В. Расова теория на послугах германського фашизму // Петров В. П. Розвідки. Т. 1. Київ: Темпора, 2013. С. 477–508.
- Соловей Т. Д. Из истории отечественной этнологии в XIX – начале XXI века // Основы этнологии / ред. В. В. Пименов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 74–90.
- Сталин И. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И. Сочинения. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1955. С. 333–355.
- Токарев С. А. Проблема этнических общностей (К методическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.

- Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. № 4. С. 7–26.
- Харузин Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. 1. М.: Гос. тип., 1901. 343 с.
- Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–109.
- Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов (Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанного в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете) // Широкогоров С. М. Этнографические исследования. Книга первая: Избранное. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 93–116.
- Alymov S. S., Anderson D. G., Arzyutov D. V. *Etnos Thinking in the Long Twentieth Century* // *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond* / eds. Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. P. 21–75.
- Archer M. S. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
- Barth F., Gingrich A., Parkin R., Silverman S. *One discipline, four ways: British, German, French, and American anthropology*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 406 p.
- Béjin A. *Le sang, le sens et le travail: Georges Vacher de Lapouge darwinista social fondateur de l'anthroposociologie* // *Cahiers Internationaux de Sociologie*. 1982. Vol. 73, N 2. P. 323–343.
- Gil-White F. J. The cognition of ethnicity: native category systems under the field experimental microscope // *Field Methods*. 2002. Vol. 14, N 2. P. 161–189.
- Greenfield L. Soviet sociology and sociology in the Soviet Union // *Annual Review of Sociology*. 1988. Vol. 14. P. 99–123.
- Knight N. Ethnicity, nationality and the masses: 'narodnost' and modernity in imperial Russia // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / eds. Hoffmann D. L., Kotsonis Y. Houndsmills, UK: Macmillan Press Ltd., 2000. P. 41–64.
- Lapouge G. V. de. *Les sélections sociales: cours libre de science politique, professé à l'Université de Montpellier (1888–1889)*. Paris: A. Fontemoing, 1896. 503 p.
- Papillault G. L'anthropologie est-elle une science unique? // *Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris*. 1908. 18 (Avril). P. 117–132. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k442580m/f130.item> (дата обращения: 25.07.2021).
- Park R. E., Burgess E. W. *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1921. 1040 p.
- Shirokogoroff S. M. *Psychomental complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935. 469 p.
- Thomas W. I., Znaniecky F. *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an American Group*. Vol. 1. Boston: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1976. 526 p.

References

- Abashin S. N. *Etnograficheskoe znanie i natsionalnoe stroitelstvo v Srednei Azii ("problema sartov" v 19–nachale 21 v.): diss. dok. ist. nauk [Ethnological Knowledge and National Building in Central Asia ("the Problem of the Sarts" in the 19th – Early 21st Centuries). Doc. histor. sci. diss.]*. Moscow, 2008, 354 p. (In Russ.)
- Aleksandrenkov E. G. "Etnicheskoe samosoznanie" ili "etnicheskaya identichnost"? ["Ethnic self-awareness" or "ethnic identity"?]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 1996, Vol. 3, pp. 13–22. (In Russ.)
- Alymov S. S. P. I. *Kushner i razvitie sovetskoi etnografii v 1920-e – 1950-e gody [P. I. Kushner and the Development of Soviet Ethnology in the 1920s – 1950s]*. Moscow, IEA Publ., 2006, 256 p. (In Russ.)
- Alymov S. S. *Ukrainskie korni teorii etnosa [Ukrainian roots of the theory of ethnos]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2017, Vol. 5, pp. 67–84. (In Russ.)
- Alymov S. S., Arzyutov D. V. *Marksistskaya etnologiya za sem dni: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsialnykh naukakh v 1920–1930-e gody [Marxist ethnology in seven days: a meeting of ethnologists of Moscow and Leningrad and discussions in Soviet social sciences in the 1920–1930s]. Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) [From the Classics to Marxism: A Meeting of Ethnologists of Moscow and Leningrad (5–11 April, 1929)]*. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2014, 511 p. (In Russ.)
- Barth F., Gingrich A., Parkin R., Silverman S. *One discipline, four ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago, University of Chicago Press, 2005, ix, 406 p.
- Ethnologists of Moscow and Leningrad (5–11 April, 1929)*. St. Petersburg, 2014, pp. 21–90. (In Russ.)
- Alymov S. S., Anderson D. G., Arzyutov D. V. *Etnos Thinking in the Long Twentieth Century. Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK, Open Book Publishers, 2019, pp. 21–75.
- Andreev V. M. *Viktor Petrov. Narisi intelektualnoi biografii vchenogo [Viktor Petrov. Essays on the Intellectual Biography of the scholar]*. Dnipropetrovsk, Gerda Publ., 2012, 472 p. (In Ukrainian)
- Archer M. S. *Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach*. Cambridge, UK, New York, Cambridge University Press, 1995, xii, 354 p.
- Arzyutov D. V. *Antropolog ili politik? Politicheskie pristrastiya i teoreticheskie postroeniya Sergeya Shirokogorova [Politician or anthropologist? Political predictions and theoretical constructions of Sergei Shirokogorov]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2017, Vol. 5, pp. 123–141. (In Russ.)
- Arzyutov D. V., Alymov S. S., Anderson D. G. (Eds.). *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) [From the Classics to Marxism: A Meeting of Ethnologists of Moscow and Leningrad (5–11 April, 1929)]*. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2014, 511 p. (In Russ.)
- Barth F., Gingrich A., Parkin R., Silverman S. *One discipline, four ways: British, German, French, and American Anthropology*. Chicago, University of Chicago Press, 2005, ix, 406 p.

- Béjin A. Le sang, le sens et le travail: Georges Vacher de Lapouge darwinista social fondateur de l'anthroposociologie [Blood, meaning and work: Georges Vacher de Lapouge social darwinista founder of anthroposociology]. *Cahiers Internationaux de Sociologie [International Notebooks of Sociology]*. 1982, Vol. 73, Is. 2, pp. 323–343. (In French)
- Bromley Yu. V. Etnos i endogamiya [Ethnos and endogamy]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1969, Vol. 6, pp. 84–91. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. K karakteristike poniatiya etnos [To the characterization of the concept of ethnos]. *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, 1971, Is. 1, pp. 9–33. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. *Etnos and etnografiya [Ethnos and Ethnography]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 283 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. *Sovremennye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii) [Modern Problems of Ethnography (Essays on Theory and History)]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 390 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa [Essays on the Theory of Ethnos]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 412 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. *Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost [Ethno-social Processes: Theory, History, Modernity]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 334 p. (In Russ.)
- Cheboksarov N. N. Problemy tipologii etnicheskikh obshchnosti v trudakh sovetskikh uchenykh [Problems of the typology of ethnic communities in the works of Soviet scientists]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1967, Vol. 4, pp. 94–109. (In Russ.)
- Gil-White F. J. The cognition of ethnicity: native category systems under the field experimental microscope. *Field Methods*. 2002, Vol. 14, Is. 2, pp. 161–189.
- Greenfield L. Soviet sociology and sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 1988, Vol. 14, pp. 99–123.
- Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya Rossiiskoi akademii nauk. 80 let [N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 80 years old]. Available at: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Content&id=13> (date of access 02.07.2019). (In Russ.)
- Kharuzin N. *Etnografiya. Lektsii, chitanye v Imperatorskom Moskovskom universitete [Ethnography. Lectures delivered at the Imperial Moscow University]*. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1901, Is. 1, x, 343 p. (In Russ.)
- Knight N. Ethnicity, nationality, and the masses: narodnost' and modernity in imperial Russia. *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*. UK, Macmillan Press Ltd., 2000, pp. 41–64.
- Kozlov V. I. Problema etnicheskogo samosoznaniya i eyo mesto v teorii etnosa [The problem of ethnic self-consciousness and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1974, Vol. 2, pp. 79–92. (In Russ.)
- Kozlov V. I. O klassifikatsii etnicheskikh obshchnosti [On the classification of ethnic communities]. *Issledovaniya po obshchei etnografii [Studies in General Ethnography (state of the issue)]*. Moscow, 1979, pp. 5–23. (In Russ.)
- Kryukov M. V. Eshche raz ob istoricheskikh tipakh etnicheskikh obshchnosti [Once again about the historical types of ethnic communities]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1986, Vol. 3, pp. 58–69. (In Russ.)
- Kryukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. *Drevnie kitaity: problema etnogeneza [Ancient Chinese: Problems of Ethnogenesis]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 342 p. (In Russian).
- Kushner (Knyshev) P. I. K metodike opredeleniya etnographicheskikh territorii [On the methodology for determining ethnographic territories]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1946, Vol. 1, pp. 12–24. (In Russ.)
- Kushner (Knyshev) P. I. Uchenie Stalina o natsii i natsionalnoi kulture i ego znachenie dlya etnografii [Stalin's doctrine of the nation and national culture and its significance for ethnology]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1949, Vol. 4, pp. 3–19. (In Russ.)
- Kushner (Knyshev) P. I. *Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy [Ethnic Territories and Ethnic Boundaries]*. Moscow, AS USSR Publ., 1951, 145 p. (In Russ.)
- Lapouge G. V. de. *Les sélections sociales: cours libre de science politique, professé à l'Université de Montpellier (1888–1889) [Social Selections: Free Course in Political Science, Taught at the University of Montpellier (1888–1889)]*. Paris, A. Fontemoing, 1896, xii, 503. (In French)
- Marr N. Ya. Pravo sobstvennosti po signalizatsii yazyka v svyazi s proiskhozhdeniem mestoimenii [Ownership by language signaling in relation to the origin of pronouns]. *Izbrannye raboty [Selected Writings]*. Moscow, 1934, T. 3: Yazyk i Obshchestvo [Vol. 3: Language and Society], pp. 180–198. (In Russ.)
- Mogilyanskii N. M. Etnografiya i ee zadachi (Po povodu odnoi knigi) [Ethnology and its tasks (Regarding one book)]. *Ezhгодnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete [Yearbook of the Russian Anthropological Society at the Imperial St. Petersburg University]*. 1908, Vol. 3, pp. 101–114. (In Russ.)
- Mogilyanskii N. M. Predmet i zadachi etnografii [The subject and tasks of Ethnography]. *Zhivaya starina [Living Antiquity]*. 1916, Is. 1, pp. 1–22. (In Russ.)
- Papillault G. L'anthropologie est-elle une science unique? [Is anthropology a unique science?]. *Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris [Monthly Review of the School of Anthropology of Paris]*. 1908, 18 (Avril), pp. 117–132. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k442580m/f130.itm> (date of access 25.07.2021). (In French)
- Park R. E., Burgess E. W. *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1921, xxi, 1040.
- Petrov V. P. *Yazyk. Etnos. Folklor: avtoref. ... kand. fil. nauk [Language. Ethnos. Folklore. Cand. philology sci. syn. diss.]*. Kyiv, 1966, 62 p. (In Russ.)
- Petrov V. Rasova teoriya na poslugakh germanskogo fashizmu [Race theory in the services for the German fascism]. *Rozvidky [Writings]*. Kyiv, 2013, Vol. 1, pp. 477–508. (In Ukrainian)

- Shirokogoroff S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London, Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935, xvi, 469 p.
- Shirokogorov S. M. Mesto etnografii sredi nauk i klassifikatsiya etnosov (Vvedenie v kurs etnografii Dalnego Vostoka, pročitannogo v 1921–1922 ak. godu v Dalnevostochnom gosudarstvennom universitete) [The place of ethnography among the Sciences and the classification of Ethnic Groups (Introduction to the course of Ethnography of the Far East, read in 1921–1922 at the Far Eastern State University)]. *Etnograficheskie issledovaniya. Kniga pervaya: Izbrannoe [Ethnological Research. Book One: Selected Writings]*. Vladivostok, 2001, pp. 93–116. (In Russ.)
- Solovei T. D. Iz istorii otechestvennoi etnologii v XIX – nachale XXI veka [From the history of Russian Ethnology in the 19th – early 21st centuries]. *Osnovy etnologii [Essentials of Ethnology]*. Moscow, 2007, pp. 74–90. (In Russ.)
- Stalin I. Natsionalnyi vopros i leninizm. Otvet tovarishcham Meshkovu, Kovalchuku i drugim [The national question and Leninism. Reply to comrades Meshkov, Kovalchuk and others]. *Sochineniya [Writings]*. Moscow, 1955, Vol. 11, pp. 338–355. (In Russ.)
- Thomas W. I., Znaniecky F. *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an American Group. Vol. 1*. Boston, Richard G. Badger, The Gorham Press, 1976, xxii, 526 p.
- Tokarev S. A. Problema etnicheskikh obshchnostei (K metodicheskim problemam etnografii) [The problem of ethnic communities (On the methodological problems of ethnography)]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*. 1964, Vol. 11, pp. 43–53. (In Russ.)
- Tokarev S. A., Cheboksarov N. N. Metodologiya etnogeneticheskikh issledovaniy na materiale etnografii v svete rabot I. V. Stalina po voprosam yazykoznaniiya [Methodology of ethnogenetic research on the material of Ethnography in the light of the works of I. V. Stalin on Linguistics]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1951, Vol. 4, pp. 7–26. (In Russ.)
- Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]*. Moscow, 2017, T. 2. Obshchnosti [Vol. 2: Collectivities], pp. 68–81. (In Russ.)
- Wiener B. E. Etnichnost: v poiskakh paradigmy izucheniya [Ethnicity: in search of a paradigm for study]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 1998, Vol. 4, pp. 3–26. (In Russ.)
- Wiener B. E., Divisenko K. S. Rossiiskaya etnosotsiologiya: granitsy, issledovatel'skie oblasti i issledovatel'skie gruppировaniya [Russian sociology of ethnic relations: boundaries, research areas, and research groupings]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]*. 2015, Vol. 6, Is. 4, pp. 177–196. (In Russ.)

Сведения об авторе

Винер Борис Ефимович

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН; Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14
e-mail: wienerras@yandex.ru

Information about the author

Wiener Boris Efimovich

Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS; 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya st., St. Petersburg, 195000, Russian Federation
e-mail: wienerras@yandex.ru